

Функциональная стилистика в ее отношении к эстетическому идеализму: в возможны ли элементы синтеза?

ВЛАДИМИР А. САЛИМОВСКИЙ
(Пермь)

1. Постановка вопроса. Как известно, культура предполагает воспроизведение традиции и одновременно новаторство. Без опоры на традицию (норму, схему, стереотип) творчество невозможно, но при этом традиция генетически сама является результатом человеческого творчества. Иными словами, эти характеристики культуры – репродуктивная и новаторская – предполагают друг друга.

В истории лингвистической стилистики основатели школы эстетического идеализма (К. Фосслер, Л. Шпитцер) ставили во главу угла идею творчества личности, а создатели функционально-стилистической школы (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский, члены Пражского лингвистического кружка) – понятие нормы. Так, согласно К. Фосслеру, стилистика рассматривает „языковое употребление, поскольку оно является индивидуальным творчеством”, „речь есть духовное творчество” (Фосслер 2007: 32, 33). Л. Шпитцер, развивая эти представления, считал нужным „перенестись в душевный мир великого художника слова, поэта, чтобы уяснить себе... процесс языкового творчества” (Шпитцер 2007: 193). Между тем Б. Гавранек, исследуя проблемы стилистики в контексте теории литературного языка, ставил задачу „создавать и стабилизировать нормы этого языка...” (Гавранек 1967: 338). По В.В. Виноградову, „анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка и ее возможных

вариаций...” (Виноградов 1955: 66). Г.О. Винокур определял употребление языка как „совокупность установившихся в данном обществе языковых привычек и норм...” (Винокур 1959: 221).

Конечно, основатели функционально-стилистической теории нередко указывали на творческий характер использования языка его носителями и обращались к проблематике индивидуального стиля писателя; работам же представителей эстетической школы отнюдь не чуждо понятие нормы. Тем не менее действительный предмет изучения К. Фосслера и его последователей – творческий аспект высказывания, тогда как само понятие функционального стиля соотносено с категорией языковой (речевой) нормы.

Таким образом, в стилистике традиционный и творческий аспекты культуры оказались разделенными между двумя классическими концепциями¹. Проявлению тенденции к их синтезу, определяемой самой сущностью культуры, препятствовала не только внутренняя логика развития каждой концепции, но и политико-идеологическая оценка методологических расхождений.

2. Об изменениях в предмете функциональной стилистики. В то время как ключевые положения теории эстетического идеализма были сформулированы в короткий срок (они представлены уже в работе К. Фосслера „Позитивизм и идеализм в языкознании”, изданной в 1904 г.), основополагающие функционально-стилистические идеи 1920-30-х гг. были развиты в целостную концепцию лишь в 1960-70-е гг. новым поколением ученых (Б.Н. Головиным, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомаровым, О.Б. Сиротининой, К. Гаузенбласом, А. Едличкой, М. Елинком, Й. Мистриком и др.). С 1980-х годов начался новый этап в развитии функциональной стилистики, получивший наименование стилистики текста.

В разное время предмет этой науки определялся лингвистами по-разному. Так, в период ее становления термин „функциональный стиль”, не будучи однозначным, чаще всего употреблялся для обозначения некоторого участка языковой структуры – совокупности однотипно окрашенных языковых средств. В этом значении использовал данный термин и В.В. Виноградов в своей итоговой стилистической концепции: „Стилистика языка... описывает,

---

¹ Мы не затрагиваем здесь работы Ш. Балли, во многом определившие генезис теоретической стилистики. Их отношение к рассматриваемым исследовательским направлениям составляет особую тему.

квалифицирует и объясняет взаимоотношения, связи и взаимодействия разных соотносительных частных систем форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как «системы систем». Она изучает исторически изменяющиеся тенденции или виды соотношений стилей языка... Эти стили обычно называются функциональными...” (Виноградов 1963: 5). Функциональные, или языковые, стили становятся, согласно В.В. Виноградову, базой для дифференциации многочисленных и многообразных стилей речи – композиционных систем в кругу основных жанров или конструктивных разновидностей устной и письменной речи (Виноградов 1963). Отсюда устойчивая традиция понимания функциональной стилистики как лингвистической науки, изучающей прежде всего относительно устойчивые частные системы языковых средств, регулярно используемых в определенных сферах общения.

Позднее, со второй половины 1960-х гг., постепенно утверждается подготовленное работами предшествующего периода (Виноградов 1955; Пражский 1967) речеведческое понимание функционального стиля как социально осознанной разновидности речи, соответствующей той или иной сфере деятельности и форме сознания (Кожина 1968). Складывается метод исследования, заключающийся в выявлении закономерных особенностей организации речи как детерминируемых своеобразием воплощаемой в ней формы общественного сознания. Основным предметом функциональной стилистики становятся закономерности употребления разноуровневых языковых единиц в различных сферах общения и создаваемая стилистико-речевая системность.

На современном же этапе развития функциональной стилистики, когда внимание исследователей сосредоточено на структурно-композиционных принципах продуцирования текста, когнитивных и прагматических особенностях его организации в разных коммуникативных сферах, предмет этой науки, думается, может быть определен так: функциональная стилистика изучает своеобразие способов осуществления текстовой деятельности и типов речевых произведений в связи со спецификой тех видов социокультурной деятельности, в состав которых текстовая деятельность включается.

Отметим, что эта дефиниция основывается на дальнейшей экспликации понятия “сфера деятельности и общения”. С нашей точки зрения, при его развертывании важно перейти от распространенного в лингвистике недифференцированного представления о деятельности (в отношении

деятельности материальной и духовной) к понятию вида духовной социокультурной деятельности, так как именно духовная деятельность объективируется в тексте и определяет закономерности его содержательно-смысловой и поверхностно-речевой организации (подробнее см.: Салимовский 2002).

Главное в предмете функциональной стилистики – закономерности организации текста (его смыслового содержания и языковой формы, рассматриваемых на разных уровнях абстракции) в их детерминированности сферой общения.

Говоря об основном векторе развития этого направления стилистики, нужно отметить, что он во многом совпадает с теоретическими ориентирами, выработанными в лингвистических исследованиях М.М. Бахтина, не публиковавшихся в течение длительного времени. В самом деле, изучение стилевой специфики текста в ее обусловленности качественным своеобразием соответствующего вида деятельности восходит к бахтинской методологии, предусматривающей переход от типов социального взаимодействия (т.е. от неречевой деятельности) к формам высказывания (текста) как целого (Бахтин 1993: 105-106). Примечательно, что ученый подчеркивал нормативную природу этих форм: „По существу, языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения [...] Речевые жанры... для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему” (Бахтин 1979а: 241, 260). Отметим, что в функционально-стилистических исследованиях последних десятилетий отчетливо проявляется тенденция к снижению уровня абстракции, к переходу от макростилей, уже достаточно хорошо изученных, к речевым жанрам (Солганик 1979; Гайда 1986, 1992; Троянская 1986; Wojtak 2004 и др.). Ключевая в философии языка М.М. Бахтина идея диалогичности тоже реализуется в функционально-стилистических работах последнего времени (см.: Кожина 1986; Славгородская 1986; Чернявская 1999; Дускава 2004 и др.).

Все это, как нам кажется, позволяет сопоставить базовые представления двух рассматриваемых в статье стилистических направлений, используя материал полемики М.М. Бахтина с основателями школы эстетического идеализма.

3. М.М. Бахтин против К. Фосслера и Л. Шпитцера. Взгляды представителей идеалистической школы М.М. Бахтин называет „теорией выражения”. Как известно, в трактовке выражения К. Фосслер следовал концепции Б. Кроче. Согласно итальянскому философу, первичная форма активности духа есть интуиция – слияние впечатлений в некоторое органическое целое. Переработка впечатлений, их духовный синтез означают наличие формы: „интуиция... отличается от того, что чувствуется и испытывается, от чувственной волны или прилива, от психической материи как форма; эта форма, это вступление в обладание есть выражение” (Кроче 1920: 14). Поэтому интуировать – значит выражать. Интуитивное, или выразительное, познание составляет предмет эстетики. Лингвистика, по Б.Кроче, тождественна эстетике, так как языковое творчество предполагает непрерывное словесное выражение все новых и новых синтезируемых впечатлений.

Согласно К. Фосслеру, выражение как эстетический факт находится в ведении стилистики, являющейся высшей лингвистической наукой. Другие лингвистические дисциплины, изучая „общий язык”, имеют дело с результатом грамматизации индивидуальных речевых актов. Стилль и есть „индивидуальное духовное выражение” (Фосслер 2007: 32). Любой языковой факт – лишь материал для обнаружения исходной духовной активности. Предложенный Л. Шпитцером метод стилистического анализа в конечном счете предусматривает „описание души” поэта по ее языковым проявлениям, обнаружение „центра стилистической индивидуальности” (Шпитцер 2007: 212).

Основной пункт критики этой доктрины М.М. Бахтиным – понимание высказывания как чистого индивидуального акта, как выражения индивидуального сознания. Данное представление, считал Бахтин, стало следствием монологического подхода к высказыванию, недооценки коммуникативной функции языка. Между тем мышление и слово диалогичны. Они не существуют вне социальной ориентированности. Согласно Бахтину, „та стилистическая индивидуация высказывания, о которой говорят фосслерианцы, является отражением социальных взаимоотношений, в атмосфере которых строится данное высказывание. Ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания” (Бахтин 1993: 94). В дальнейшем, как известно, эти мысли получили развитие в постструктуралистской концепции интертекста (Кристева 2000).

Если Л. Шпитцер разъясняет свое методологическое кредо ссылкой на рекомендацию святого Августина: „не ходи наружу, в глубине души живет истина”, то, по М.М. Бахтину, „ориентация в своей душе (самонаблюдение) реально неотделима от ориентации в данной социальной ситуации переживания”, отвлечение же от социального контекста „приводит к полному погашению переживания” (Бахтин 1993: 44).

Опровергает М.М. Бахтин и ключевую для основателей идеалистической школы мысль об эстетической природе языкового творчества. Согласно К. Фосслеру, историко-лингвистическое исследование ориентировано „не на специальные истории политики, науки и т.д.”, а на историю именно художественной литературы, поскольку речь является эстетическим процессом (Фосслер 2007: 62). М.М. Бахтин же подчеркивает, что „творчество языка не совпадает с художественным творчеством или с каким-либо иным социально-идеологическим творчеством. Но в то же время творчество языка не может быть понято в отрыве от наполняющих его идеологических смыслов и ценностей” (Бахтин 1993: 108-109).

Проблемы, составившие предмет спора М.М. Бахтина с фосслерианцами, обсуждались и другими учеными, разрабатывавшими теорию общения как межличностного и социального взаимодействия.

4. Совместима ли идея диалогичности с представлением о выражении индивидуального сознания? В „философии диалога” (М. Бубер, Г. Марсель, Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк и др.) собеседник – открытая свободная личность, ей свойственны *инакость*, индивидуальность. Это лицо другого человека, „в каждом отдельном случае единственное... никогда не повторимое, никем не заменимое” (Ухтомский 2002: 359)². Категория „индивидуального” трактуется в разных диалогических доктринах по-разному. Мы кратко остановимся на концепции Х. Ортеги-и-Гассета в ее стилистическом преломлении.

Согласно этому философу, человеческое существование является спонтанной активностью. Субъект сам творит себя и единство мира. Жизнь вне себя, под властью Другого и внешних обстоятельств есть самоотчуждение, которому противостоит самоуглубление. В отличие от М.М. Бахтина (а также М. Бубера), Х. Ортега-и-Гассет видит в самоуглу-

---

2 Близкий взгляд на человека развивается в целом ряде работ М.М. Бахтина (1994, 1979б, в; и др.).

блении не погашение переживания, не упразднение субъекта, а способ, возвратившись к себе, создать проект своего существования и затем в соответствии с этим проектом реализовать себя самого.

Понимание жизни как изначальной активности сопряжено у Х. Ортеги-и-Гассета с представлением о потребности субъекта выразить собственный сокровенный мир, излить свою душу другому, исповедаться. Налицо экспликация идеи диалогичности в русле теории выражения, а не социологического метода (разрабатывавшегося М.М. Бахтиным в конце 1920-х гг.). Показательно, что Х. Ортега-и-Гассет, во многом аналогично К. Фосслеру, трактует образование языковых форм из стилистического выражения:

Желающий выразить что-то глубоко личное и, следовательно, абсолютно новое, как правило, не находит в людской речи, в языке, того словесного обычая, который бы адекватно соответствовал его высказыванию. Тогда индивид творит новое выражение. И если последнему повезет и его повторят многие, оно, по всей вероятности, сложится в новый языковой обычай (Ортега-и-Гассет 1997: 680).

Говорение и является следованием обычаю, который, однако, постоянно себя создает и разрушает в актах речевого творчества.

Понятие стиля писателя в интерпретации испанского философа тоже оказывается весьма близким представлениям идеалистической школы и трактуется как осуществление постоянных и частых творческих вторжений в лексику и грамматику (Ортега-и-Гассет 1997: 670).

Стилистика, как и у Фосслера, объявляется высшей лингвистической наукой: она „вопреки ходячему мнению отнюдь не служит неким придатком грамматики, а, наоборот, представляет новую, нарождающуюся лингвистику... Я даже рискнул бы предположить, что главное предназначение стилистики, возникшей недавно как затейливая добавка к лексике и грамматике, – вобрать в себя указанные две дисциплины, а заодно вообще посягнуть на всю лингвистическую проблематику” (Ортега-и-Гассет 1997: 671).

Как видим, в работах Х. Ортеги-и-Гассета диалогическая концепция органично совмещается с ключевыми лингвистическими представлениями фосслерианцев.

В одной из наиболее влиятельных современных философских доктрин – теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса – исповедь субъекта рассматривается как актуализация его стремления быть признанным

другими в качестве индивидуальности, как воплощение желания подтвердить выбор своей истории жизни, выбор самого себя. При этом субъект индивидуализируется через процессы социализации в историческом контексте (Хабермас 1989).

Можно, следовательно, утверждать, что „философия диалога” не предусматривает единой интерпретации соотношения индивидуального и социального в человеческой речи. Противоположные позиции по этой проблеме представлены М.М. Бахтиным, эксплицировавшим представления, утвердившиеся позднее в российской функциональной стилистике и шире – в речеведении (см.: Леонтьев 1979), и Х. Ортегой-и-Гассетом, чья точка зрения близка „теории выражения”.

М.М. Бахтин, конечно, не отрицает правомерность изучения „творческой индивидуальности” говорящего. Но для него она является „выражением основной твердой и постоянной линии социальной ориентации данного человека” (Бахтин 1993:102). Содержание его концепции как раз и составляет развитие положений о социальном речевом взаимодействии в различных сферах общения. В теории же выражения акцент делается на индивидуальном духовном творчестве, тогда как социокультурный план высказывания оценивается негативно и остается в тени (по К. Фосслеру, „это дефицит, или пассив, в нашей языковой одаренности” – 2007: 33), при этом представление о социально-языковых нормах распространяется лишь на „общий язык” вне его стилевых модификаций. Ввиду сказанного рассматриваемые стилистические концепции, несмотря на различие их методологических принципов, воспринимаются как во многом взаимодополняющие.

5. Элементы „теории выражения” в исследованиях по функциональной стилистике. В российской филологии к числу основных теоретических источников разработки проблемы идиостиля писателя относится концепция образа автора В.В. Виноградова. Как известно, она формировалась с 1920-х гг. в русле представлений формальной школы, с одной стороны, и философско-лингвистических идей В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, К. Фосслера – с другой. Отзвук фосслеровских идей исследователи находят в суждениях В.В. Виноградова о роли творчества крупных писателей в языковом развитии (Чудаков 1992: 248-249), связь с этими идеями обнаруживает и его методика анализа художественного произведения. Примечательно, что, определяя категорию образа автора, В.В. Виноградов

приводил следующие слова Л. Толстого: „Что бы ни изображал художник... мы ищем и видим только душу самого художника” (Виноградов 1971: 181).

Понятие образа автора, по В.В. Виноградову, – одна из категорий особой филологической дисциплины – науки о языке художественной литературы (Виноградов 1959). Отметим, что некоторые современные исследователи, опирающиеся на данную категорию, относят свои работы к области функциональной стилистики. Показательна в этом отношении точка зрения Н.С. Болотновой – автора концепции коммуникативной стилистики художественного текста, считающей эту концепцию направлением функциональной стилистики (Болотнова 2003, 2005). Есть ли основания для включения проблематики индивидуального стиля писателя, отражающего „характер мировосприятия... души поэта” (Болотнова и др. 2001: 79), в круг функционально-стилистических проблем? На наш взгляд, есть.

Выше отмечалось, что лингвисты по мере развития функциональной стилистики вносили коррективы в понимание ее предмета. Начиная с работ К. Гаузенбласа (1967, 1972), функционально-стилистический анализ сосредотачивается не только на особенностях отбора и употребления разноуровневых языковых средств в различных коммуникативных сферах, но и на закономерностях тематической организации текста, приемах использования языковых и тематических единиц. В лингвистической стилистике получают „права гражданства” такие понятия, как композиция, сюжет (Одинцов 1980), интеграция, текстовое время и пространство, проспекция, ретроспекция, мотив (концепт) и др.

В фокусе внимания стилистов оказывается содержательно-смысловая сторона текста в ее детерминированности соответствующим видом духовной социокультурной деятельности. Наиболее целенаправленно этот анализ осуществляется по отношению к научно-речевому произведению (Кожина 1992, Очерки 1996). Значимость полученных результатов в данном случае во многом определяется глубиной проникновения в экстралингвистическую основу текста – объективируемую в его смысловом содержании структуру научно-познавательного процесса. Этот подход к речевому произведению экстраполируется и на другие сферы общения, в том числе художественную. В качестве экстралингвистической основы художественного текста рассматривается искусство как познавательная деятельность. Если в анализ научного текста вводятся науковедческие понятия, то в лингвистическом исследовании художественного текста снимается запрет на использование многих литературоведческих понятий, в частности,

характеризующих мир произведения и литературный процесс. Граница между лингвостилистическим и литературоведческим изучением художественного произведения становится зыбкой, она определяется прежде всего проблематикой исследований, а не строгой дисциплинарной разграниченностью используемого концептуального аппарата.

Внимание к автору и его присутствию в произведении, традиционное для литературоведов, становится характерным и для лингвистов. Категория образа автора, как и другие представления о выражении творческой активности субъекта и его индивидуальном стиле, совмещаются с рассмотрением текстовых, жанровых, функционально-стилевых норм (Witosz 2005) и становятся органичными для функционально-стилистических исследований. Эти представления вводятся в изучение текстов разных коммуникативных сфер (Кожина, Титова 1976; Gajda 1996; Солганик 2000 и др.).

Весьма показательна в плане частичной совместимости концептуального аппарата сравнимых стилистических школ (функциональной стилистики и эстетического идеализма) трактовка их представителями понятия выразительности. Так, в функциональной стилистике широкое распространение получило понимание выразительности речи как оптимальной реализации ее коммуникативных заданий. Выразительной может быть и нехудожественная речь – публицистическая, научная, деловая (Головин 1988; Костомаров 2005; Кожина и др. 2008). Согласно Б.Н. Головину, выразительность, например, научной речи „поддерживается... четкостью, строгостью, ясностью синтаксических структур, точностью и логичностью применения лексики” (Головин 1988: 266). Эта интерпретация указанной категории вполне согласуется с представлениями Б.Кроче, отмечавшего эстетическую близость научного произведения художественному.

Всякое научное произведение, есть в то же время произведение искусства. Эстетическая сторона дела может оставаться в тени, когда наш ум захвачен всецело усилием уразуметь мысль ученого и разобраться в истине. Но она уже не остается более в тени, когда от деятельности уразумения мы переходим к деятельности созерцания и видим эту мысль... раскрывающейся перед нами с ясностью, чистотой, отчетливостью, без лишних слов, без слов несовершенных, с соответственным ритмом и соответствующей интонацией... (Кроче 1920: 29).

Как отмечалось, категория функционального стиля тесно связана с понятием нормы. Речевая системность стиля, собственно, и обусловлена кул-

ытурными навыками отбора и использования языковых средств в той или иной коммуникативной сфере. Вместе с тем в некоторых функционально-стилистических исследованиях обнаруживается стремление гуманизировать категорию стиля, вывести человеческий фактор на первый план и усилить его. Так, Ст. Гайда определяет стиль как „гуманистическую структуру текста” (Gajda 1982: 69), подчеркивая этой дефиницией активную роль субъекта, осуществляющего текстовую деятельность в сфере тех или иных культурных конвенций.

О специфически человеческой активности в речеобразовании размышляли и основатели „теории выражения”. По-видимому, их исследовательские установки и общие представления о творческой природе познавательных-речевых процессов могут стимулировать дальнейшее развитие понятия функционального стиля в направлении экспликации гуманистического начала.

В два последних десятилетия повысился интерес стилистов к изменениям в функционировании славянских языков, что связано с бурными общественными преобразованиями конца XX- начала XXI вв. В русистике широкую известность получила концепция В.Г. Костомарова, основывающаяся на понятии языкового вкуса эпохи (Костомаров 1999). Вкус, отмечает автор, – это „сложный сплав социальных требований и оценок, а также индивидуальности носителя языка, его художественных задатков, воспитания, образованности” (с. 29). „Вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи” (с. 32); „...чутье языка есть своеобразная система бессознательных оценок, отражающая системность языка в речи и общественные языковые идеалы” (с.30); „...самое главное – в общественной эстетике, в стремлении к тому, что понимается как красивое” (с. 12).

Понятия *вкуса и чувства языка, идеала, эстетического процесса* и др., столь характерные для школы эстетического идеализма, служат здесь объяснению изменений языковой нормы, определению направления языковой эволюции, в чем опять-таки улавливается связь с проблематикой этой школы. Вместе с тем, как показывает В.Г. Костомаров, основной сферой возникновения языковых инноваций выступает в настоящее время не художественная, а массмедийная коммуникация; определяемые вкусом эпохи языковые и речевые особенности в той или иной степени распространяются на все группировки текстов (функциональные стили). Общая закономерность состоит во все большем ослаблении связи между

использованием стилистических ресурсов русского языка и функционально-речевой дифференциацией последнего, т.е. между стилистическим и стилевым началами. При этом стилистическое начало „безраздельно захватило... творческую область индивидуального слога” и, не будучи конструктивно обязательным, накладывается на стилевое (Костомаров 2005: 229).

Мы можем, таким образом, констатировать, что функциональная стилистика, сосредоточившись главным образом на объективных (нормативных, репродуктивных) характеристиках стилеобразования, тем не менее в некоторых своих концепциях и интерпретациях понятий обнаруживает устойчивый интерес к субъективно-творческому аспекту речевой деятельности и ее эстетической стороне, составляющим предмет идеалистической школы.

***

Параметры речевого общения варьируют в разных его сферах. Основная коммуникативная единица – текст – по-разному „отображает бытие” (М.М. Бахтин) в повседневной жизни, в искусстве, науке, политике и пр.; в каждой из этих сфер специфичны языковой состав, содержательно-смысловая и собственно речевая организация текстов. Это свособразие, как подчеркивалось, и составляет предмет функциональной стилистики, изучавшей на разных этапах своего развития преимущественно или потенциал языковых средств, соотносенных с теми или иными коммуникативными целями (либо функциями языка), или взаимосвязь этих средств на текстовой плоскости, или смысловую систему произведения в единстве с ее речевым воплощением³. Круг доминирующих тем, идей, методов функциональной стилистики во многом определялся состоянием проблематики общего языкознания и взаимодействием со смежными лингвистическими дисциплинами.

---

3 Высказываемое иногда суждение об исчерпанности предмета функциональной стилистики, с нашей точки зрения, основано на отождествлении предмета этой научной дисциплины с проблематикой ее исследований в тот или иной период. Сама же предметная область варьирования текстовой деятельности в разных коммуникативных сферах, претерпевающих изменения в процессе развития общества, неисчерпаема и составляет существенный аспект общей теории языка в действии.

Важным источником развития функциональной стилистики является и тенденция к синтезу ее понятий с понятиями других стилистических школ (*Synteza...* 1991). Так, в первой трети XX в. на генезисе теоретической стилистики сказалось присущее гуманитарному знанию этого времени противоборство двух мощных начал: „идеи творящего духа и идеи внеличного саморазвития культурно-исторических феноменов (Чудаков 1992: 250)”. Функциональная стилистика сосредоточилась на объективных закономерностях стилеобразования – репродуктивных особенностях отбора и использования языковых средств в каждой из основных коммуникативных сфер, на закрепляющих эти особенности стилевых нормах. Но при этом исследователи старались не упустить из поля зрения „то высшее и тончайшее”, что есть в языке (В. фон Гумбольдт) – речевое воплощение творческой личности. Это проявилось в интересе к индивидуальному стилю писателя, публициста, ученого, в некоторых интерпретациях понятий выразительности и текстового стиля, в поисках движущей силы языковых преобразований. Иными словами, функциональная стилистика в ходе своего развития обнаруживала *точки соприкосновения* с положениями идеалистической школы.

Изучение специфики речевой коммуникации в разных ее сферах предполагает обращение не только к традиционным, но и к креативным аспектам текстовой деятельности. Поэтому представляется вполне закономерной установка в функциональной стилистике на использование исследовательского опыта школы эстетического идеализма. Л. Шпитцер, как известно, полагал, что базовые понятия этой школы, часто отвергаемые как метафизические, со временем могут обрести статус научных понятий. По-видимому, возможность их адаптации к функционально-стилистической проблематике во многом будет определяться прогрессом в области исследований по психологии творчества и психологии индивидуальности (см.: Зинченко 2002).

Усиление интеграционной тенденции ориентировало бы лингвистическую стилистику на исследование речевого общения в контексте фундаментальных проблем гуманитарного знания – соотношения социального и индивидуального, традиционного и новаторского.

Литература

Бахтин М.М., 1994, *К философии поступка*. – Он же. *Работы 1920-х гг.*, Киев.

- Бахтин М.М., 1993, *Под маской. Маска третья*. Волошинов В.Н. *Марксизм и философия языка*, Москва.
- Бахтин М.М., 1979а, *Проблема речевых жанров*, – Он же. *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бахтин М.М., 1979б, *К переработке книги о Достоевском*. – Он же. *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Бахтин М.М., 1979в, *К методологии гуманитарных наук*. – Он же. *Эстетика словесного творчества*, Москва.
- Болотнова Н.С., 2003, *Коммуникативная стилистика художественного текста*. – *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Москва.
- Болотнова Н.С., 2005, *О понятии текстовая норма в коммуникативной стилистике текста*, „*Stylistyka*” XIV.
- Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др., 2001, *Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль*, Томск.
- Виноградов В.В., 1955, *Итоги обсуждения вопросов стилистики*, „*Вопросы языкознания*”, № 1.
- Виноградов В.В., 1959, *О языке художественной литературы*, Москва.
- Виноградов В.В., 1963, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, Москва.
- Виноградов В.В., 1971, *О теории художественной речи*, Москва.
- Винокур Г.О., 1959, *О задачах истории языка*. – Он же. *Избранные работы по русскому языку*, Москва.
- Гавранек Б., 1967, *Задачи литературного языка и его культура*. – Пражский лингвистический кружок, Москва.
- Гайда Ст., 1986, *Проблема жанра*. – *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация*, Пермь.
- Гайда Ст., 1992, *Стилистика и генология*. – *Статус стилистики в современном языкознании*, Пермь.
- Гаузенблас К.Я., 1967, *К уточнению понятия „стиль” и к вопросу об объеме стилистического исследования*, „*Вопросы языкознания*”, № 5.
- Головин Б.Н., 1988, *Основы культуры речи*, Москва.
- Дускаева Л.Р., 2004, *Диалогическая природа газетных речевых жанров*, Пермь.
- Зинченко В.П., 2002, *Размышления о душе и ее воспитании*, „*Вопросы философии*”, № 2.
- Кожина М.Н., 1968, *К основаниям функциональной стилистики*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1986, *О диалогичности письменной научной речи*, Пермь.
- Кожина М.Н., 1992, *Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте*, „*Stylistyka*” I.
- Кожина М.Н., Титова Л.М., 1976, *К вопросу об авторской индивидуальности в научном стиле речи*. – *Исследования по стилистике*, вып. 6, Пермь.

- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А., 2008, *Стилистика русского языка*, Москва.
- Костомаров В.Г., 1999, *Языковой вкус эпохи*, Санкт-Петербург.
- Костомаров В.Г., 2005, *Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики*, Москва.
- Кристева Ю., 2000, *Бахтин, слово, диалог, роман. – Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму*, Москва.
- Кроче Б., 1920, *Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика*, Москва.
- Леонтьев А.А., 1979, *Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации. – Синтаксис текста*, Москва.
- Одинцов В.В., 1980, *Стилистика текста*, Москва.
- Ортега-и-Гассет Х., 1997, *Избранные труды*, Москва.
- Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.*, 1996, т. II, ч. I, Пермь.
- Салимовский В.А., 2002, *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)*, Пермь.
- Славгородская Л.В., 1986, *Научный диалог*, Москва.
- Солганик Г.Я., 1978, *Введение. – Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров*, Москва.
- Солганик Г.Я., 2000, *Современная публицистическая картина мира. – Публицистика и информация в современном обществе*, Москва.
- Троянская Е.С., 1986, *Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей. – Общие и частные проблемы функциональных стилей*, Москва.
- Ухтомский А.А., 2002, *Ступени духовного опыта. Из дневников, записных книжек и писем разных лет. – Он же. Доминанта*, Санкт-Петербург.
- Фосслер К., 2007, *Эстетический идеализм*, Москва.
- Хабермас Ю., 1989, *Понятие индивидуальности*, „Вопросы философии”, № 2.
- Чернявская В.Е., 1999, *Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации*, Санкт-Петербург.
- Чудаков А., 1992, *В.В. Виноградов и его теория поэтики. – Он же. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики русских классиков*, Москва.
- Шнитцер Л., 2007, *Словесное искусство и наука о языке. – Вальцель О., Дибелиус В., Фосслер К., Шнитцер Л. Проблемы литературной формы*, Москва.
- Gajda S., 1982, *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*, Warszawa.
- Gajda S., 1996, *Styl osobniczy uczonych. – Styl a tekst*, Opole.
- Hausenblas K., 1972, *Výstavba jazykových projevů a styl*, Praha.
- Synteza w stylistyce słowiańskiej*, 1991, Opole.

Witosz B., 2005, *Styl indywidualny w perspektywie genologii lingwistycznej*, „Stylistyka” XIV.

Wojtak M., 2004, *Gatunki prasowe*, Lublin.

Functional Stylistics and Aesthetic Idealism: is there any Possibility of Synthesis?

In the history of theoretical stylistics traditional and creative aspects of culture were divided between two branches of science: functional stylistics and aesthetic idealism. Nevertheless developing of functional stylistics has led to integration with idealism. The tendency occurs in the interest to the individual style of a writer, a journalist, a scientist. We also can see this tendency in the interpretations of the concepts “expressivity” and “text style” and in the search for the driving force of linguistic transformations. The possibility of integration depends on progress in the psychology of creativity at the understanding of aesthetic idealism’ concepts. Elements of the synthesis in representations of these two branches contribute to the investigation of the general problems of Humanities, such as the relationship of social and individual, traditional and innovative.

Keywords: *functional stylistics, aesthetic idealism, style, text, norms, creativity*